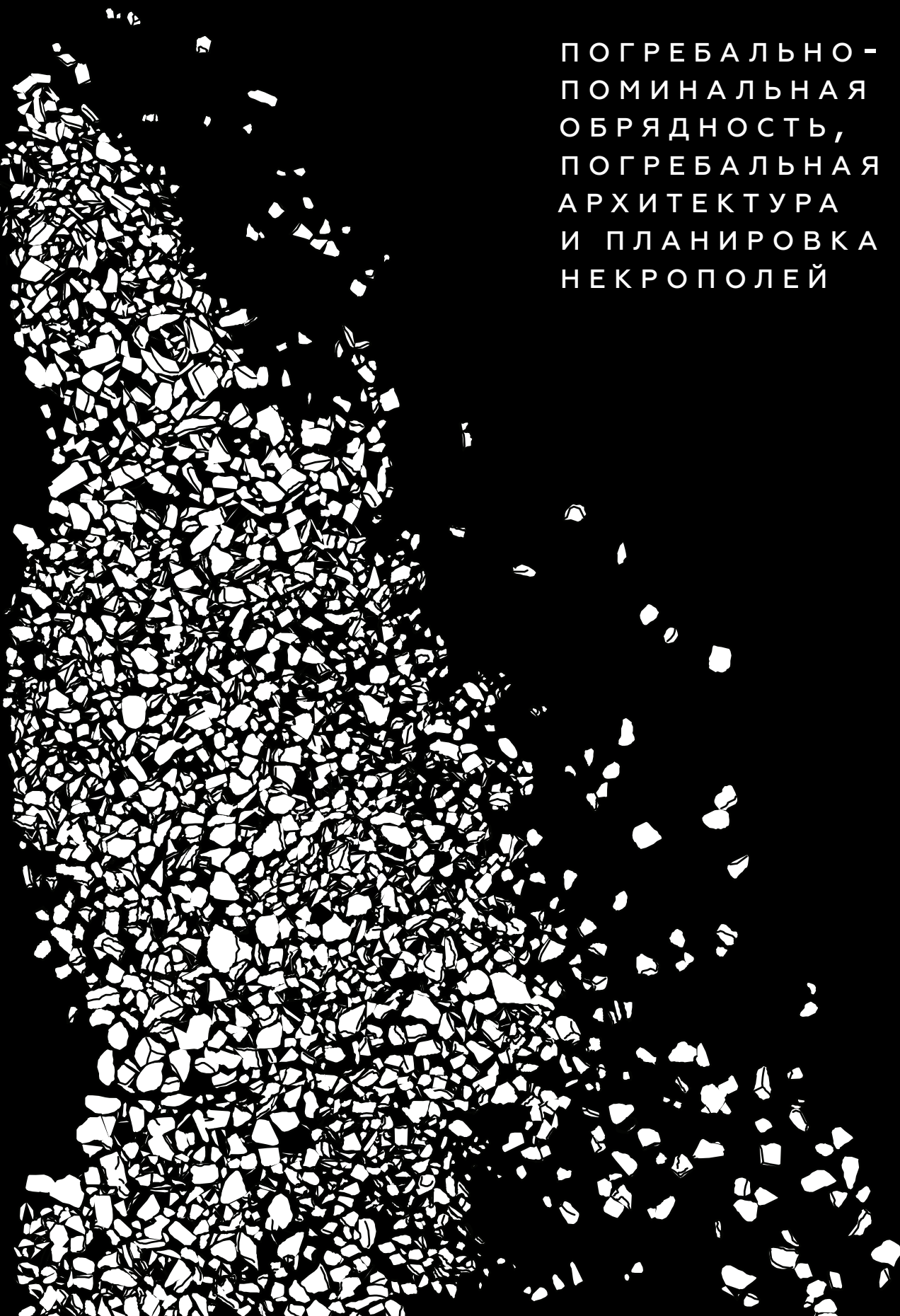

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

Э. Р. Усманова

КЕФАЛОТАФИЯ ПО-АНДРОНОВСКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ II ТЫС. ДО Н. Э.)

Рассматриваются разные проявления обрядов головными уборами и черепами у 11 % женщин и детей из алакульских некрополей андроновской общности у г. Лисаковск. Выявлены несколько типов культовых действий через некоторое время после похорон: 1) изъятие из могилы парадного головного убора и костюмных аксессуаров (для дальнейшего использования в семье), иногда вместе с черепом (последний мог использоваться в родовых святынях или изредка, возможно, для колдовства или обезвреживания); 2) последующая специальная инсталляция головного убора с черепом (это делалось для социально значимых женщин, похороненных в центральной части могильников); 3) последующая инсталляция отдельного черепа или его части (челюсти). Это позволяет уточнить статус женщин, значение их головных уборов, ритуальный статус головы.

Ключевые слова: женский головной убор, «культ черепа», алакульские некрополи, ритуальные проникновения, статус.

Общие сведения. Памятники эпохи бронзы Лисаковской округи — это, прежде всего, комплекс из поселения Лисаковское и семи могильников андроновской культурной общности, расположенный на обоих берегах реки Тобол (г. Лисаковск, Костанайская обл., Республика Казахстан). На погребальных полях были раскопаны 233 погребения этого времени (Усманова, 2013. С. 22). Четыре некрополя — Лисаковский II, III, IV, V (29 сооружений, 51 погребение) находятся на левом берегу, три других некрополя — Лисаковский I, VI, VII — на правом берегу (82 сооружения, 182 погребения). Погребения шести могильников (II, III, IV, V, VI, VII) совершены в традиции алакульского погребального обряда. На самом большом некрополе Лисаковский I сосуществовали федоровская и алакульская погребальные традиции андроновской общности в период 1780–1660 гг. до н. э. Погребальные поля использовались для захоронений в течение, как минимум, 120 лет (Панюшкина, 2013. С. 203–204).

Всего раскопано 127 алакульских погребений: 71 погребение — на погребальном поле могильника Лисаковский I, 56 — на остальных шести могильниках. Из них 60% разрушено проникновениями. Способ обращения с умершим в алакульской традиции — это трупоположение (случаи трупосождения единичны — около 2%). Федоровские погребения по обряду кремации расположены только на правом берегу (Лисаковский I — 78 федоровских погребений, 28 смешанного облика, сочетающих федоровскую и алакульскую керамику). Процент разрушенных федоровских погребений сравнительно мал по сравнению с алакульскими и составляет около 5%.

Кроме этого, в число андроновских «памятников Лисаковской округи» можно включить, с учетом культурной и природно-географической и культурной специфики, еще одно погребальное поле, которое начало исследоваться с 2007 г. Это некрополь Новоильиновский, расположенный на правом берегу в 25 км ниже по течению реки Тобол от поселения Лисаковское. Состоял из тридцати погребальных сооружений, которые имеют отношение к началу формирования алакульской общности. Раскопано шесть погребальных построек и четырнадцать погребений. Погребения совершены по обряду трупоположения (алакульские), лишь одно является кремацией (федоровское).

Погребальный обряд как текст. Более тридцати лет работы на могильниках эпохи бронзы одного культурного микрорайона подвели меня к пониманию тесного переплетения символического и предметного в погребальной обрядности как археологически хорошо фиксируемого явления. Тезис Ю. М. Лотмана о знаковом характере культуры можно считать применимым и для осмысления деталей, интерпретации ситуаций в погребальных ритуалах. «Знаковый характер культуры — это способность аккумулировать и передавать информацию при помощи специальных кодов, которые ее выражают в определенных знаках, делая достоянием тех или иных коллективов» (Лотман, 1967. С. 30–31). Этот те-

зис — ключ к осмыслению внутренних семиотических ресурсов, скрытых в предметном содержании погребального обряда, который, как информационная система, обладает знаковостью и может рассматриваться как текст. Применение знаковых категорий вместе с традиционными методами изучения культуры позволяет глубже понять механизм функционирования погребального обряда как системы, призванной не только контролировать поведение, но и быть информационным звеном в цепи знаний о социуме, своего рода знаковым посланием другим поколениям. Знаки же, в свою очередь, являются средством управления человеческим поведением (*Выготский*, 1986. С. 352).

Выясняется, что иногда за расхожей фразой в археологическом отчете «погребение ограблено в древности» *de facto* скрывается обрядовый сюжет с оригинальной цитатой из погребального «текста». Понимание культурного феномена погребального обряда как «текста» позволяет предложить интерпретацию погребения в символическом ключе выражения культов, которые были приняты в андроновском социуме эпохи бронзы. Знаки-предметы выстраиваются в целые цитаты из «текстов» погребальных ритуалов, которые предполагали адекватное прочтение.

Реконструкция цитаты по артефактам. Для постижения смысла того, что подчас происходило в обрядовом пространстве могильников эпохи бронзы Лисаковской округи, предлагается реконструкция цитаты «*манипуляция с черепом*», которая выражена разными знаковыми способами в предметной материальности погребального обряда. Предварительно, основываясь на корреляции признаков погребального обряда алакульской традиции, можно предполагать следующие основные действия-признаки, совершенные по отношению к черепу:

— изначальное захоронение только головы/ черепа (или с некоторыми частями костяка) (шесть случаев: могильники Лисаковский I, III, V);

— выставление черепа отдельно после проникновения (три случая: могильники Лисаковский III, Новоильиновский 2);

— выставление нижней челюсти отдельно после проникновения (три случая: могильники Лисаковский I, III);

— отделение черепа (головы) от тела погребенного и его вынос из погребения вскоре после похорон (два случая: этот обряд выявлен только в могильнике Лисаковский V);

В целом на весь массив алакульских погребений приходится около 11% из них, в ритуальных «текстах» которых в том или ином знаковом образе представлена информация о «культе черепа». Федоровские погребения были совершены по способу кремации, из-за которой эта культовая особенность в них не может быть прослежена.

Кефалотафия (в переводе с греческого — похороны головы/ черепа) (*Смирнов*, 1997. С. 176) в алакульской погребальной традиции лисаковских памятников совершалась обычно в женских и детских погребениях.

Женские погребения с отдельными черепами. Случаи проникновения и разрушения в них отсутствуют. Череп (или его часть) помещались в могилу вместе с набором такого важного элемента костюма, как головной убор (от него сохраняются металлические наконечники, бронзовые и золотые подвески, височные кольца) и костюмных аксессуаров (браслеты и др.) (рис. 1, 2).

Женские погребения с отдельными черепами и комплектом престижных для эпохи бронзы украшений были целыми, не нарушенными. Важно, что все они находились в центральной части погребального поля, и видимо, принадлежали элите данного андроновского сообщества. Возможно, что женскому черепу приписывались магические свойства оберега — защитника в символическом образе «матери-прародительницы». Поэтому погребения с отдельными черепами занимали центральные участки в погребальном поле. Проникновение в них, вероятно, было табуировано.

Ритуальные проникновения в погребения. В андроновской ритуальной сфере в отношении части могил умерших женщин и детей существовала необходимость проникновения для важных манипуляций с черепом. Во время раскопок было отмечено, что из некоторых женских погребений забирались головные уборы и другие украшения. Создавалось впечатление, что головной убор срывался с головы; иногда вместе с ним и выносилась голова — поистине «голова с плеч». Проникновение происходило, видимо,

спустя некоторое время, спустя короткое время после похорон, когда мышечные связки еще были целыми и головной убор не подвергся деформации. При этом другая часть костяка в погребении оставалась лежать «обезглавленной» *in situ* (могильник Лисаковский V).

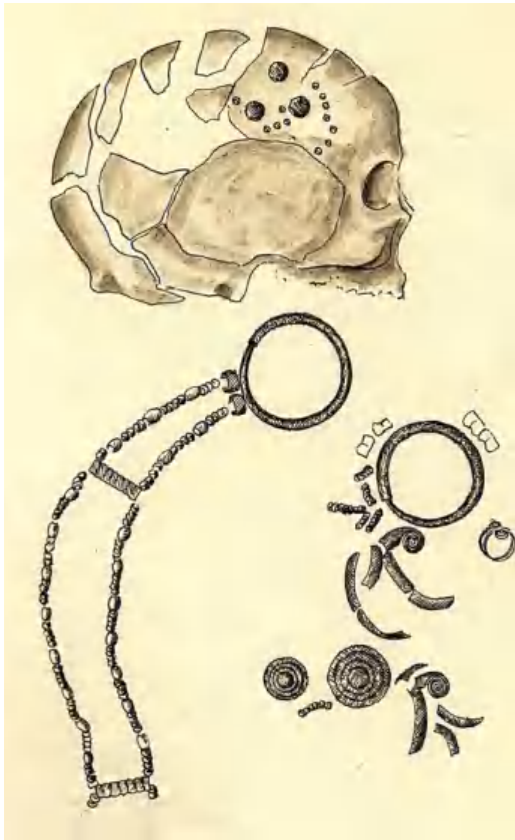

Рис. 1. Могила Лисаковский I.
Погребение отделенной головы/ черепа
с украшениями: накосник, бляшки, браслеты
(бронза), височные кольца (золото)

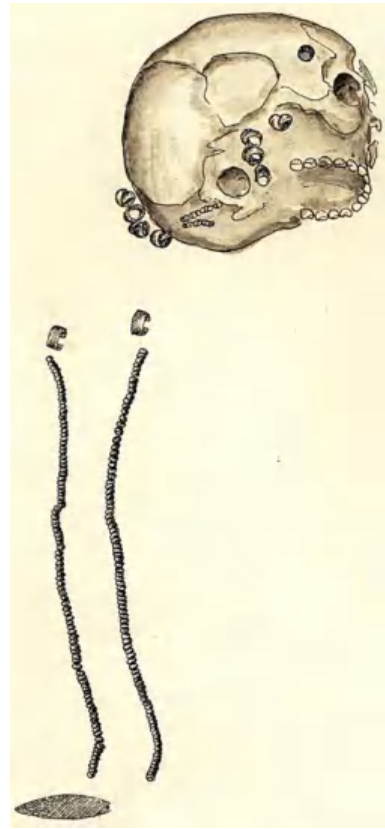

Рис. 2. Могила Лисаковский I.
Погребение отделенной головы/ черепа
с украшениями: накосник (бронза),
височные подвески (золото)

Проникновение в погребение, возможно, было одним из поздних этапов погребального обряда или годовичного поминального цикла. Вероятно, уже во время похорон умершего участники церемонии имели представление о том, в какое погребение допускается проникновение, а в какое — нет. Таким образом, из одного погребения можно было вынести предписанную ритуалом вещь, а для другого подобные действия не были необходимыми. Здесь мы ограничиваемся фактами, указывающими на намеренные проникновения в андроновскую погребальную среду современниками. Кроме них, известны ситуации иного типа — проникновения в андроновские погребения в более позднее время с целью ограбления или осквернения.

В полевых условиях удалось зафиксировать некоторые этапы погребального обряда, связанные как с захоронением головы и надетого на нее головного убора, так и с проникновением для их удаления из могилы головного убора и/или головы. В некрополе Новоильиновский было вскрыто погребение кургана № 4, которое демонстрирует намеренное проникновение с целью изъятия у трупа женского головного убора. При этом весь богатый для этой культуры погребальный инвентарь остался целым, не тронутым. Голова/черепа после снятия головного убора была водружена на место, но уже без нижней челюсти. Руки и верхняя часть тулова (до тазовых костей) отсутствовали. Иными словами, *in situ* оставили только нижнюю часть скелета от таза (рис. 3). Фиксировался фрагмент декора платья (?) в виде нашивных бляшек (рис. 4). Инвентарь этой могилы может быть обозначен как *набор ткачихи-вязальщицы*: это костяной вязальный крючок, бронзовые шило и игла в костяном футляре, пряслице, точильный камень (который лежал ниже костей ног, вдоль стенки погребальной камеры). В другой части могилы, которая явно была заготовлена для второго погребенного, на его предполагаемом месте находился нож-кинжал (мужской атрибут?).

Рис. 3. Могильник Новоильиновский. Курган № 4: общий вид женского погребения со столбовыми ямками

Рис. 4. Могильник Новоильиновский. Курган № 4: деталь погребения (разрушенный костяк)

Скорее всего, погребение стояло открытым некоторое время под навесом со столбами, то есть его не закидывали грунтом. По сторонам, в дне могилы были шесть столбовых ямок: по три на равном расстоянии друг от друга вдоль восточной и западной стенок. Реконструируется схема погребального обряда с тремя главными элементами: сооружение погребальной постройки; помещение тела умершей женщины в могилу; намеренное проникновение и снятие украшений, головного убора. При этом часть тела умершей была вынесена из места погребения: нижняя челюсть от черепа/головы, верхняя часть тулова и руки (рис. 5). После завершения ритуала, связанного с проникновением, столбы и навес были убраны, а могила была засыпана грунтом.

Головной убор имел символическое значение в традиционном костюме и представлял собой немалую ценность не только из-за дороговизны его декора, но и ввиду его знаковых особенностей в костюмном комплекте. Он маркировал верх, венчал голову (вместилище души) и был обращен к верховному, небесному, а также являлся магической защитой живой хозяйки. Его детали были наделены особой знаковостью, которая обозначала различные ритуальные ситуации, связанные с головой и волосами (Усманова, 2010. С. 73–74). Алакульскому головному убору была присуща серия главных статусных позиций и, по семиотической сути, он являлся символом социального престижа в андроновском женском костюме. Сшитый из плетеной шерстяной тесьмы красного цвета, украшенный ювелирным комплектом из бронзы и золота (футляр-косник, подвески, кольца, нашивные бляшки, бусины), он был эстетически эффективным, сочетал в себе религиозно-магические, половозрастные и социальные знаки. Эксперимент в ходе создания реплики-реконструкции головного убора из погребения могильника Лисаковский I показал, что на изготовление подобного головного убора затрачивалось около 80 рабочих часов (Усманова, 2010. С. 107–108). Возможно, что головной убор изымался из погребений для его вторичного использования в обрядах из-за его семантической ценности. Не

исключено, что он, как семейно-родовая реликвия, передавался от поколения к поколению и затем окончательно, без последующего изъятия, помещался в могилу с одной из женщин семьи на «вечное хранение».

В свадебной традиционной обрядности головной убор являлся одним из главных знаковых объектов, который фиксирует статусное изменение: незамужняя девушка — замужняя женщина. Иными словами, он символизировал социальное взросление и переход в новую возрастную группу. Особая роль убора — маркировать статус невесты и замужней женщины — в основе архетипична. Так, нередко свадебный убор хранился в семье и передавался по женской линии из поколения в поколение, надевая магической силой оберега женской фертильности (см. подробнее: *Гаген-Торн*, 1933. С. 76–88). Не с этой ли способностью и социальной значимостью андроновского головного убора связано проникновение в погребения и изъятие с целью продолжения его ритуальных функций?

Детские погребения.

Отдельное захоронение черепов. Две детских могилы с отдельными черепами и инвентарем *in situ* принадлежали подросткам (10–12 лет). В одной находилось два черепа, две берцовых кости, игральные кости (аст-рагалы крупного рогатого скота), в другом — череп, браслеты, серьга (Лисаковский III, сооружение 4). Скорее это стоит воспринимать как захоронение, в первую очередь, черепов. Куда менее вероятно, что такой скелетный набор в этих погребениях определялся сезонным характером смерти, когда ребенок умирал зимой и была возможность захоронения только весной–летом. (В последнем случае тело могло содержаться в схроне, и к моменту похорон от него могли оставаться лишь основные части тела. Но при такой трактовке непонятно, почему отсутствуют самые крупные и весьма крепкие бедренные кости и т.п.).

Инсталляции отдельных черепов после их изъятия. Иногда проникновения совершались с целью основного разрушения трупа умершего (нарушения порядка скелетизированных остатков?) и сопровождалась изъятием черепа или только его нижней челюсти, в том числе для последующей их инсталляции в могильном пространстве. В могильнике Лисаковский III в одном случае череп принадлежал ребенку.

Инсталляции нижней челюсти. Нижняя челюсть выставлялась как отдельный элемент в яме (три случая: могильники Лисаковский I, III). Считать это захоронением человека, даже символическим, рискованно. Скорее всего, это жертвенный элемент поминального цикла, действие по принципу «часть вместо целого».

Смысл цитаты «манипуляция с черепом». Существование нескольких вариантов обращения с черепом указывает на разные способы знакового оформления «культа черепа», с нюансами, смысл которых, думаю, окончательно восстановить не удастся. В литературе довольно часто используется термин «культ черепа», обозначающий некоторые обряды, связанные с культом плодородия и почитанием предков (*Дмитриев*, 1997. С. 215). Проявившееся еще в мустьерскую эпоху особое отношение к черепу стало впоследствии непременным атрибутом многих обрядов, и не только погребальных. Голова человека представлялась как основной мыслительный орган и вместилище души. Ее исключительный статус отразился в различных ритуалах, связанных со знаковыми идеями общества.

Значимость «культа черепа» подтверждается многочисленными этнографическими и археологическими свидетельствами (*Иванова*, 1980. С. 117–143). Нарцательное имя «охотники за черепами», данное племенам Новой Гвиней, может быть отнесено в какой-то степени и к племенам андроновской куль-

Рис. 5. Могильник Новоильиновский. Курган № 4: отдельная инсталляция черепа без нижней челюсти

турной общности. Мы точно не знаем, какого рода «охота за черепами» могла быть организована у андроновцев, каковы ее причины, какими ритуальными действиями она сопровождалась, как в этом случае поступали с черепом/головой. Только ли культ предков, а также ритуальные потребности обеспечения плодородия требовали подобного отношения к умершим, или же иногда это был результат враждебного отношения к живым хозяйкам этих голов? Почему черепа только определенных людей (впрочем, как взрослых, так и детей) требовали к себе подобного внимания? Какого рода частные случаи, какие причины смерти или какое поведение при жизни скрывались за подобным отношением к черепу/голове погребенного? Почему в одних ситуациях надо было удалить череп из погребения, в других — только отсечь и уложить его отдельно от других костей? К сожалению, нехватка антропологов и особенно — их обычное отсутствие во время проведения полевых работ затрудняет ответы на ряд вопросов, предоставляя пока только возможность визуального наблюдения и поверхностной фиксации подобных ритуалов.

В приведенных материалах из погребений в некрополях Лисаковской округи цитата «манипуляция с черепом» в «тексте» андроновского погребального обряда можно предполагать три различных действия по отношению к женскому погребению: 1) проникновение с целью изъятия парадного головного убора и костюмных аксессуаров для дальнейшего использования в семье; 2) изъятие магически значимого черепа для использования в родовых святынях или изредка, возможно, для колдовства или обезвреживания; 3) изначальное или вторичное захоронение отделенного черепа/головы или его части (челюсти). В целом многообразие ритуальных действий по отношению к черепу/голове, как мне кажется, не сводится только к презентации идей обеспечения плодородия или почитания предков в погребальном обряде. Палитра культов, принятых в андроновском социуме, была разнообразной и яркой, и мотивы многих ритуальных действий еще предстоит выявить.

Выготский А. С. Психология искусства. М., 1986.

Гаген-Торн Н. П. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.

Амтриев С. В. Тема отрубленной головы и политическая структура народов Центральной Азии (общезападный контекст) // Stratum: Структуры и катастрофы. Сб. символической индоевропейской истории / Под ред. М. Е. Ткачук и др. СПб., Кишинев, 1997.

Пянова Л. А. Охота за головами у маринд-аним и время ее возникновения // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии / Отв. ред. Н. Л. Жуковская, Г. Г. Стратанович. М., 1980.

Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры. // Уч.

зап. Тартусского гос. ун-та: Вып. 198. Тарту, 1967. (Труды по знаковым системам; Т. 3).

Панюшкина И. П. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э. Р. Усманова. Караганда; Лисаковск, 2013.

Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., 1997.

Усманова Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск, 2010.

Усманова Э. Р. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э. Р. Усманова. Караганда; Лисаковск, 2013.